

ЗАМІТКИ

К происхождению местного названия *Копырев конец*

Топономастика издавна является неистощимым резервуаром для глоттогенетических, историко-лингвистических, мифологических и исторических спекуляций. Одни связывают подмосковную *Ивантеевку* с бывшим пребыванием там балтов, другие в названии македонского города *Велес* (адаптации античного Βελύζορα¹) ищут свидетельства культа баснословного «бога Велеса», третьи в названиях новгородских деревень и пустошей *Жаглово*, *Сеглицы*, *Суглицы* находят живые оригинальные следы праслав. *-dl-,² четвертые обнаруживают упоминания местностей своей «малой родины» у Геродота, пятые... – да мало ли что придет в голову пятым!.. Общую методологическую базу таких разнообразных построений, как правило, составляют романтизм, склонность авторов к сопряжению «далековатых идей» и нежелание поверять свои многообещающие решения альтернативными тривиальными объяснениями.

В *Ипатьевской летописи* под 1121, 1140, 1150 и 1162 гг., а в *Лаврентьевской* – под 1202 г. упомянута часть древнего Киева – Копыревъ коньць³:

Того же лѣта . заложи цѣрквн ст҃го Нвана . въ Копыревѣ концн (1121 г.)⁴

Пондѣ Всеволодъ Улговнчъ нз Вышегорода . къ Къievoу . нзрѣднѣ полкы . н пришедъ ста оу города . в Копыревѣ концн . и нача зажнгатн дворы нже соуть предъ городомъ . в Копыревѣ кончн мѣа марта . въ д̄ днѣ... (1140 г.)⁵

... Ст҃славъ Улговнчъ . перенесе мощн брата своего Нгора . ѿ ст҃го Семена не Копырева конца . в Чернговъ . н положиша оу ст҃го Спса в теремъ (1150 г.)⁶

... посла в монастырь . къ ст҃го (так! – А.С.) Семенову еже есть . в Копыревѣ концн (1162 г.)⁷

... н ѣха наборзѣ со всѣмн полкы . г Къievoу . Романъ . н шворнша юму Къзанѣ ворота Подольскаѣ в Копыревѣ концн . н въѣха в Подолье . н посла на Горю к Рюрковн . н ко Улговнчѣ (1202 г.)⁸

В свое время О. Прицак⁹ выдвинул смелую гипотезу происхождения этого названия, допустив, что в этом топониме отразилось название «original ethnic community in Kiev» – *Корур*, восходящее к **Карур*, ранней версии тюркского этнонима *Kabar/Kabur*.

Закономерность превращения тюркского *Kabar/Kabur* в **Карур* и далее в *Корур* находится за пределами моей компетенции, но в том, что касается возможностей восточнославянского словообразования, с О. Прицаком можно поспорить. Притяжательное прилагательное *Копыревъ* не могло быть образовано от формы *Корур*/**Копырѣ* (было бы **Копыровѣ*), а только от *Копырѣ*,

существительного с мягким исходом основы. «Двухступенчатое» же образование (возможность которого, впрочем, О. Прицаком не обсуждалась): т.е. сначала образование притяж. прилагат. *Копырь* (от **Корур* + *-jь*), а потом от него снова притяж. *Копыревъ*, – выглядит слишком избыточным и искусственным, чтобы быть вероятным.

Гипотеза О. Прицака о тюркском происхождении киевского топонима красива, но в науке красота и истина часто противоречат друг другу.

Исследуем возможность объяснения этого топонима на собственно восточнославянской языковой почве. В правильности выбора именно этого направления нас убеждает топоним *Копырева пустошь*, зафиксированный в писцовых книгах 1685–1686 гг. по городу Новгороду¹⁰, применительно к топонимии которого о тюркизмах говорить как-то не принято. Новгородская пустошь принадлежала какому-то человеку по прозвищу *Копырь* (или арендовалась им).

В документе северо-восточной Руси первой половины XVI в. фигурирует некий *Ивашко Копырев*¹¹, – обстоятельство, предполагающее, что отца Ивашка звали *Копырь*.

Еще один человек с таким прозвищем отмечен в *Путивльской отдельной книге* 1594 г.: за козеным плотником за *Гришею Копырем*¹². Правда, тот же человек еще 4 раза фигурирует в этом документе под патронимом *Копыринъ*: козеного плотника *Гриши Копырина овин*¹³, за *Гришею Копыриным* дважды¹⁴, *Гриши Копырина*¹⁵. Этот патроним предполагает в качестве исходного прозвище (отца или деда Гриши) в форме жен. рода *Копыря* (ср. ниже) или *Копыра*. Численный перевес посессивного образования *Копыринъ* над единичным *Копырь* склоняет к тому, чтобы посчитать *Копырь* в этом тексте не исходной формой, а обратным сокращенным образованием от *Копыринъ*. Мужской род такого обратного образования (и соответствующее языковое оформление его исхода), а не женский с исходом на *-я*, как того требовала словообразовательная модель, объясняется тем, что прилагалось оно к мужчине¹⁶.

Форма жен. рода *Копыря* в функции прозвища, определенно, была более популярна. Ср. в том же путивльском документе 1594 г.: *посадского человека Кольши Копырина*; за *Фетькою Копыриным*¹⁷; по *Копырюну* [так в изд. – А.С.] *пашню Иванова*¹⁸. В материалах Н.М. Тупикова встречаем двух людей с патронимом *Копырин*: «Михайло Копырин сын Ржевского, московский дворянин. 1564» и «Матвей Копырин, тагильский крестьянин. 1684»¹⁹. Прозвище *Копыря* имелось у двух князей второй половины XVI в.: Ивана Александровича Кашина и Ивана Андреевича Елецкого; в документе 1577 г. упомянут московский дворянин *Капыря* Васильев сын Карамышев; под 1608 г. в Нижнем Новгороде был известен также *Копыря* Гаврилов Доскин²⁰.

Теперь обратимся к апеллятивной лексике. Форма *копырь* – редкая. В значении ‘тяпка’ это слово зафиксировано в Любятинском р-не Новгородской обл.²¹. В не так давно изданном *Новгородском областном словаре* (вып. 1–12.

Новгород, 1992–1995) это слово отсутствует. В полевых записях Н.И. Лебедевой, посвященных свадебным и праздничным хлебам Рязанской губернии, собранных ею в 1920–1927 гг. и посмертно опубликованных Е.А. Самоделовой²², имеется один любопытный эпизод:

«21. КОПЫРЯ. Пекут на Власия, в самый день утром, на всю семью, сами съедают и дают пастухам, которые ходят под окнами, по количеству коров: за одну корову – один, за телку – не считается. Чтоб скотина не болела – копыря не схоронила [так в ркп.!). Скот проходит в поле, и пойдут собирать; выгонять выходит вся семья. В этот день не работают на скотине – это скотий праздник...»²³.

Поскольку названия перечисляемых обрядовых хлебов, открывающие небольшие, похожие на словарные, статьи, у Н.И. Лебедевой даются в форме множ. числа (*жаворонки, лестницы, хрестцы, кони*, etc.), то и форму *копыря* (= *копыря*) следует считать формой множ. числа на *-а* (как *лесá, учителя*) от сущ. *копырь*. Фрагмент посвящен *копырям* – обрядовым хлебцам, но исходное значение рязанского слова *копырь* можно реконструировать как ‘копыто’ (ср. высказываемое в тексте опасение, что скотина в результате болезни может «схоронить» *копыря*). Кроме того, в записи речь идет о «скотьем» празднике, а к таким праздникам в русской среде иногда приурочивалось испечение хлебцев в форме копыта, которые, по принципу *pars pro toto*, призваны были символизировать животную особь в целом²⁴.

Таким образом, и новгородский, и рязанский термины обозначают орудия копания – ‘тяпку, мотыгу’ и ‘копыто’.

В близком к новгород. *копырь* значении употреблено слово *копыра* в *Чудесах Арсения, епископа Тверского* по списку конца XVII в., памятнике второй половины XVII в.: «Вземь *копыру* и выкопавь сокровище свое»²⁵. Составители *Словаря русского языка* полагают, что *копыра* – это ‘лопата’, но этому слову ничто не мешает обозначать ‘мотыгу’. В песне на сюжет «Мать продает своего сына», записанной в с. Вирьма на Поморском берегу А.В. Марковым в 1909 г., орудия, называемые *копырюгами*, отделены от *лопат*.

За им горе да горе вслед идёт,
Впереди идёт с *лопатами*,
Позади идёт с *копырюгами*²⁶.

В тексте *Посольства стольника Толочанова в Имеретию* 1651 г. встречаем слово *копыряла*: «А пашню пашут плугами и копырялями [так в изд. – А.С.]»²⁷. Согласно В.И. Далю, нижегород. *копырялка* обозначает ‘огородную тяпку или кирку’, а диал. *копырялла* имеет переносное значение «копун, мешкотный, копотливый человек, ковыряла»²⁸. К этому списку можно добавить блр. диал. (Верхнедвинский р.) *капылярка* ‘мотыга’²⁹, т.е. слово **капырялка*, пережившее метатезу *-р-* и *-л-*.

Все эти существительные, включая древние прозвища *Копырь* и *Копыря*, образованы от восточнослав. глагола **копыряти*, который продолжает праслав.

*копати, будучи снабжен интенсивным, экспрессивным суффиксальным наращением основы: *-ur-j-a*³⁰. Ср. *ковырять* ‘рыхлить гряды мотыгой’ («Нижегор.»), ‘ковырять’ («Пск., Твер., Дон.»), ‘разрывать руками что-либо’ («Ряз.»), ‘бить пинками’ («Пск., Твер., Нижегор.»), ‘толкать’ («Ворон.»), ‘валить, подставив подножку’ («Олон.»)³¹; укр. диал. (Харьков. губ.) *копиряти* ‘ковырять’: *сніг ногами копиряє*³². Сюда же – донск. *поковырять* ‘поковырять’: чушка [т.е. свинья. – А.С.] *у нас все поковыряла*³³, донск. *расковыривать* ‘расковыривать’: *куры расковыривают кладку*³⁴, *закопырять* ‘вскопать наспех, кое-как’: *закопырля поле* (Кемский р. Карелии)³⁵. Семантика таких глаголов как владимир. *скопириться* ‘внезапно умереть’, донск. *скопирнуть* ‘сбросить кого-л.’; *скопирнуться* (донск.) ‘споткнуться’, (ярослав.) ‘оступиться’, (донск., тамб., ярослав.) ‘упасть, свалиться’³⁶ развивает исходное значение: ‘Пкопнуть (землю ногой)’.

Случай несколько иного экспрессивного расширения основы глагола *копати реализованы в русск. *копырсать* ‘копаться; ковырять’, укр. *копирсати* / *копирснути* ‘ковырять’, *копирсатися* ‘перебирать, копаться’³⁷.

Итак, традиция, засвидетельствованная летописями, на мой взгляд, связывала название киевского «конца» с человеком, по прозвищу *Копырь*.

Вряд ли древние прозвища *Копырь* и *Копыря* даны по прямой связи их обладателей с копанием как действием и/или его агентами и орудиями (хотя для киевлянина *Копыря*, о котором мы не знаем ничего, эту мотивацию нельзя совершенно исключить³⁸), скорее значение этих прозвищ переносное: ‘копун, cunctator’.

- 1 Город *Велес* адаптировал первую часть древнего субстратного названия, а два расположенных поблизости села (*Gornji / Donji Orizari*) использовали его вторую часть (см: Y.E. Boeglin, “A propos de quelques survivances romanes dans la toponymie slave de L’Illyrie interieure,” *Filologija* (Zagreb, 1963), br. 4, 35, 43).
- 2 Критику такой трактовки см.: А.Б. Страхов „Новгородские и псковские «переходы» *мл’ > н’*, *tl > кл*, *dl > гл*: альтернативные решения,” *Palaeoslavica VII* (1999), 282–283; *Palaeoslavica VIII* (2000), 286–288.
- 3 Реконструкция местоположения этого района, долгое время остававшегося спорным и невыясненным, представлена на карте-вкладке в книге: Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. К., 1970. С. 128–129.
- 4 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 286.
- 5 Там же. Стб. 302.
- 6 Там же. Стб. 408.
- 7 Там же. Стб. 518.
- 8 *ПСРЛ*. Т. 1. С. 417.
- 9 N. Golb, O. Pritsak, *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century* (Ithaca, New York, 1982), 55–57.
- 10 Иванов П.И. *Обозрение писцовых книг по Нову-городу и Пскову*. М., 1841. С. 156.
- 11 Тупиков Н.М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. М., 2004. С. 586.
- 12 Анпилогов Г.Н. *Новые документы о России конца XVI – начала XVII века*. М., 1967. С. 184.

- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 187, 230.
- 15 Там же. С. 187.
- 16 Обратные образования от патронимов, а по сути – сокращения, реставрирующие начальное звено словообразовательной цепочки, весьма популярны при фамильярном общении: мальчика с фамилией *Носов* в школе, наверняка, будут звать *Нос*, т.е. так, как, собственно, и звали родоначальника его фамилии. Такие реконструкции могут быть совершенно правильными с точки зрения языка, но возможны и некоторые отступления от правильности под взглядом привносных, экстралингвистических факторов. При недостатке первичного материала вряд ли стоит пренебрегать такими вторичными образованиями.
- 17 Анпилогов Г.Н. *Новые документы о России конца XVI – начала XVII века*. С. 293.
- 18 Там же. С. 300.
- 19 Тупиков Н.М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. С. 595.
- 20 Веселовский С.Б. *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. М., 1974. С. 154; Тупиков Н.М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. С. 195.
- 21 *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Вып. 2. СПб., 1995. С. 420.
- 22 'Из Архива Н.И. Лебедевой: свадебные и прадничные печеня Рязанской губ.' Публ. Е.А. Самоделовой, коммент. А.Б. Страхова, *Palaeoslavica VII* (1999), 261–274.
- 23 'Из Архива Н.И. Лебедевой: свадебные и прадничные печеня Рязанской губ.', 267.
- 24 Ср. пензенские *копы́тчики* – «сдобные пресные ватрушки с творогом или картофелем, имеющие форму копыта. «Пекли в день праздника лошадей – в день Фрола и Лавра в августе». *Придет фролов день, и копытчиков поедим*. *Словарь русских народных говоров*. Вып. 14. С. 306.
- 25 Цит. по: *Сл РЯ XI – XVII*. Вып. 7. М., 1980. С. 299.
- 26 Марков А.В. *Беломорские старины и духовные стихи*. Изд. подг. С.Н. Азбелев, Ю.И. Марченко. СПб., 2002. С. 743, № 314.
- 27 *Сл РЯ XI – XVII*. Вып. 7. С. 299.
- 28 Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 2. М., 1994 (репр. 3-го изд.). С. 401.
- 29 *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе награнічча*. Т. 2. Мінск, 1980. С. 410.
- 30 Ср. русские экспрессивные глаголы с интенсивом -ыр-: *колоты́ть(ся)* 'пустословить; судачить; клянчить' > *колоты́рить(ся)* 'тж'; **разла́питься* (от *ла́а*) > *разлапы́риться* 'разрастись (о растениях)'; *мота́ть* > *моты́рить* 'тратить деньги', *моты́рнуть* 'ударить; боднуть; промотать деньги'; *размота́ть* > *размоты́рить* 'размотать, распутать'. *Словарь русских народных говоров*. Вып. 14. С. 180–181, 186–187; вып. 18. С. 307–308; вып. 33. С. 351; вып. 34. С. 27); а также с интенсивом -ыр-*я*-а: *коты́ть/каты́ть* > *котыря́ться*: „котыря́лись [кувыркались]». Цит. по: Ивлева Л.М. *Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней*. СПб., 2004. С. 185. К последнему нелишне вспомнить прозвище *Катырь* князя Ивана Андреевича Ростовского, 1532–1543 гг., от которого пошли *Катыревы*-Ростовские (Веселовский С.Б. *Ономастикон*. С. 137).
- 31 *Словарь русских народных говоров*. Вып. 14. С. 303.
- 32 Гринченко Б. *Словарь української мови*. Т. II. К., 1908 (репр. 1958). С. 281.
- 33 *Словарь русских народных говоров*. Вып. 28. С. 395.
- 34 *Словарь русских народных говоров*. Вып. 34. С. 130.

- 35 *Словарь русских говоров Карелии...* Вып. 2. С. 137.
 36 *Словарь русских народных говоров.* Вып. 38. С. 81–82.
 37 Ср.: *Етимологічний словник української мови.* Т. 2. К., 1985. С. 567.
 38 Ср. хотя бы прозвище старца Спасо-Прилуцкого монастыря Ионы (1609–1610 гг.) – *Копоруля* (Тупиков Н.М. *Словарь древнерусских личных собственных имен.* С. 194; Веселовский С.Б. *Ономастикон.* С. 153), т.е. ‘мотыга’, неизвестно чем мотивированное.

Александр Страхов

«Капища» из Корсуня князя Владимира

Согласно составителю *Повести временных лет*, Владимир Святославич, возвращаясь из Корсуня после крещения, захватил с собой два каких-то «капища» (‘статуи’) и четверку медных коней, почитавшихся несведущими людьми за мраморные. Чтобы ни у кого не осталось сомнений в существовании квадриги, книжник присовокупил свидетельство очевидца: «...иже и нынѣ стоятъ за стою Бѣю [Десятинной – Т. В.]».

Исследователи, как кажется, никогда и не сомневались в историчности сообщения ПВЛ. Общее мнение в свое время высказал М. К. Каргер, пересказав известие летописца и добавив замечания о «средневековой традиции» и «привычной» формуле «иже и нынѣ...»¹.

Неоднократно предпринимались попытки отыскать соответствующие артефакты в археологических слоях древнего Киева. Не так давно Р. С. Орлов выдвинул идею, что знаменитое «капище», раскопанное в 1908 г. В. В. Хвойкой, на самом деле есть постамент под квадригу (он же писал о том, что Владимировы «капища» должны считаться свидетельством синкретизма язычества – при том, не только славянского, но и средиземноморского – и христианства)². Сам же В. В. Хвойка считал, будто квадрига стояла неподалеку от раскопанного им «княжеского дворца» к северо-востоку от Десятинной церкви, и именно это обстоятельство полагал одним из доказательств, что найденные им руины и есть дворец³. Существует мнение, что квадрига могла находиться – подобно тому, как это позднее было в соборе Сан-Марко в Венеции – на фронте Десятинной церкви⁴. В самое последнее время В. К. Козюба предположил, что постаментом для квадриги (или одной из бронзовых «статуй») могла служить обнаруженная раскопками Д. В. Милеева вымостка к северо-востоку от Десятинной церкви⁵.

Между тем, свидетельство ПВЛ и в самом деле являет собой пример своеобразного «средиземноморско-славянского синкретизма». Дело в том, что оно опирается на *Хронику* Иоанна Малалы, проще говоря – представляет собой микрозаимствование и переработку фрагмента древнеславянского перевода этого сирийского автора. Ср. текст⁶: